

„Старованный Странникъ.“

АЛЬМАНАХЪ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

АПОЛОГІЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛЖИ.

«Единственная безупречная форма ланья—это
ложь ради лжи, а высшей стадіей этого дарованья
является ложь въ искусствѣ».

О. УАЙЛЬДЪ.

Содержаніе выпуска третьяго.

ПОЭЗІЯ:

З. Гиппіусъ—

Банальностямъ.

Игорь Сѣверянинъ—

Обреченный,
Крымская траги-комедія,
Загорной,
Лисодѣва.

Рюрикъ Ивневъ—

Надѣну я колпакъ дурацкій.

Димитрій Крючковъ—

Тріолетъ.

Вадимъ Шершеневичъ—

Полсумракъ вздрагиваль.

М. Струве—

Любовь въ трамваѣ.

Кн. Шахназарова—

Византія.

КРИТИКА:

Викторъ Ховинъ—

Мѣдь гремящая и кимваль звучащій.

Димитрій Крючковъ—

Критикъ-интуитъ (И. Анненскій).

Памяти Игнатьева.

БИБЛІОГРАФІЯ.

БАНАЛЬНОСТЯМЪ.

Не покидаю острой кручи я,
Гранитъ сверкающій дроблю.
Но васъ, о старья созвучія,
Неизмѣняемо люблю.
Люблю сады съ оградой тонкою,
Гдѣ роза съ грезой, сны—весны
И тѣнь съ сиренью—перепонкою
Какъ близнецы сопряжены.
Влечется нѣжность за безбрежностью
Все рифмы—дѣвы—мало женъ!
О, какъ ихъ трогательной смежностью
Мой духъ стальной обворожень!
Васъ гонять... Словно дѣти малыя
Дрожать мечта и красота...
Цѣлую ноги ихъ усталыя,
Цѣлую старья уста....
Создатели домовъ лучиночныхъ,
Пустыхъ, гороховыхъ домовъ,
Искатели сокровищъ рыночныхъ
Одни боятся вѣчныхъ словъ.
Я—не боюсь. На кручу сыпкую
Возьму ихъ въ каменный пріютъ,
Прилажу зыбкую имъ зыбку я.
Пусть отдохнуть! Пусть отдохнуть!

3. Гиппиусъ.

ОБРЕЧЕННЫЙ.

Я говорю: отлѣтены лѣта
Падучихъ грезъ, недопитыхъ любовей..
Пріять одну, послѣднюю, готовѣй
Моя душа, угасомъ золота...

Но не смогу во-вѣки озабвѣть
То благостныхъ, то грозоносныхъ весень,
Какъ тамъ ни взвой, помѣшанная осень,
Какъ ни взрычи, берложный чортъ-медвѣдь!

Распустится бывалая листва
Изохшая, истлѣвшая въ безцвѣтѣ..
Я обречень, спустя мильнолѣтье,
На тѣ-же лики, губы и слова..:

Игорь Сѣверянинъ.

КРЫМСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ.

„И потрясающих утопий
Мы ждемъ, какъ розовыхъ сло-
новъ. Изъ меня.

Я—эго-футуристъ. Всероссно
Твердятъ: онъ—первый, кто сказалъ,
Что все былое—безвопросно,
Чье имя наполняетъ залъ.

Мои поэзы въ каждомъ домѣ,
На хуторѣ и въ шалашѣ.
Я дѣйственъ даже на паромѣ
И въ каждой рядовой душѣ.

Я созерцаю—то изъ рубокъ,
То изъ вагона, то въ лѣсу,
Какъ пьютъ «Громокипящій Кубокъ»—
Животворящую росу!

Всегда чуждаясь хулиганства,
Въ послѣдователяхъ обрѣлъ
Завистливое самозванство
И вотъ презрѣлъ ихъ, какъ орелъ:

Вскрылилъ,—и только. Голубѣло
Спокойно небо. Золото,
Плеща какъ гейзеръ, солнце пѣло.
Такъ: что мнѣ надо, стало то!

Я пѣлъ безсмертныя поэзы,
Воспламеняя солнцесвѣтъ
И облака,—луны плерэзы,—
Рвалъ беззаботно я, поэтъ.

Когда же мнѣ надоѣдала
Покорствующая луна,
Спускался я къ горѣ Гудала,
Пронзовывалъ ее до дна...

А то въ пѣвучей Бордигерѣ
Я впрыгивалъ лазурно въ трамъ:
Кондукторъ, пѣвшій съ Кавальери
По вечерамъ, днемъ пѣлъ горамъ.

Бывалъ на полюсахъ, мечтая
Построить дамбы къ нимъ. Нето
На бригахъ долго. Вотъ прямая
Была бѣ дорога для авто!

Мнѣ стало скучно въ иностранныхъ:
Все такъ обыденно, все такъ
Мною ожиданно. Въ романахъ,
Въ стихахъ, въ мечтахъ, все— «точно такъ».

Сказавъ планетамъ: «приготовьте
Мнѣ вѣкъ», спустился я въ Москвѣ;
Увидѣлъ парня въ желтой кофтѣ,
Все закружилось въ головѣ...

Онъ былъ отолпенъ. Какъ торговцы,
Ругалась мыслевая часть,
Другая—вѣрно, желтокофтцы—
Къ его ногамъ готова пасть.

Я изумился. Все такъ дико
Мнѣ показалось. Этотъ «онъ»
Обрадовался мнѣ до крика.
—Не розовѣющей ли слонъ?

Подумалъ я, въ восторгѣ млѣя,
Обезкураженный поэтъ.
Толпа раздалась, какъ аллея.
Я— Маяковский,—былъ отвѣтъ.

Увы, я не повѣрилъ гриму
(Душа приборемъ солоня)...
Какъ поводырь, повелъ по Крыму
Столь розовѣвшаго слона.

И только гдѣ то въ смрадной Керчи
Я вдругъ открылъ, разсѣявъ сонъ,
Что слонъ то мой—изъ гутаперчи,
А слѣдовательно—не слонъ.

Взорлило облегченно тѣло,—
Вновь чувствую себя царемъ!
Поэтъ! поэтъ! совсѣмъ не дѣло
Ставать тебѣ поводыремъ.

С.-Петербургъ,
21 января 1914 г.

Игорь-Сѣверянинъ.

ЗАГОРНОЙ.

Въ столицѣ Грузіи загорной,
Спускающейся по холмамъ
Къ рѣкѣ неряшливо-проворной,
Есть милое моимъ мечтамъ.

Но тѣмъ страннѣй мое влеченье
Въ тѣ, чуждые душѣ, края,
Что никакого впечатлѣнья
Отъ нихъ не взялъ на сѣверъ я;

И тѣмъ страннѣе для разсказа,
Что не смутила ни на мигъ
Меня «загадочность» Кавказа
(Я Лермонтова не постигъ...)

Однако, въ Грузіи загорной
Есть милое моимъ мечтамъ:
Я вижу женщину, всю черной,
Кому я имени не дамъ.

Она стройна, мала и нервна;
Лицо безкровно, все вопросъ;
Оно трагически безгнѣвно
И постоянно, какъ утесъ.

Уста умершей: уголками
Слегка опущены; сарказмъ
И чувственность—въ извѣчной драмѣ;
Въ глазахъ—угрозѣ горлоспазмъ.

Не встрѣтите на горныхъ шпильяхъ
Ее «съ раздумьемъ на челѣ»:
Она всегда въ автомобиляхъ!
Она всегда навеселѣ!

Я не пойму: ты явь или пѣна
Прибоя грезъ моихъ, но вѣкъ
Ты въ памяти запечатлѣна,
Нечеловѣчій человѣкъ...

Игорь-Сѣверянинъ.

ЛИСОДЪВА.

Какъ ты похожа сегодня въ профиль на шельму лисицу!
Но отчего-же твой завтракъ—скумбрія и геркулесъ?
Ахъ, понакрала-бы яицъ: курицы стали носиться
И наутекъ—черезъ поле, черезъ канаву и въ лѣсъ!
Въ полѣ теперь благодатно: тамъ поспѣваетъ картофель,
Розовая земляника, грибъ набухаетъ въ лѣсу.
Вспомни, забывшая травы, что у тебя лисопродфиль.
Вспомни, что ты каждымъ вскидомъ напоминаешь лису.
Въ рыжей лукавой головкѣ чувствую хитрости лисьи
(Вотъ еще что: на лисицу очень похожа лиса!..)
Взоръ твой крылатъ, но пристало-ль грезить лисницѣ
о выси:

Это едва-ли удобно—аэропланъ и лиса?!.

Игорь-Съверянинъ.

1913. Веймарнъ.

Я надѣну колпакъ дурацкій
И пойду колесить по Руси,
Вдыхая запахъ кабацкій,
Будетъ въ полѣ дождь моросить.
Будутъ ночи сырыя, какъ баржи,
Затерявшіеся на рѣкѣ,
Я забуду слова всѣ и даже
Рану на груди и рукѣ.
Хохотъ звонкій, шершавый и колкій
Заглушитъ шумъ вѣтокъ и травъ.
Будутъ выть голодные волки,
Всѣ добычи свои сожравъ.
Въ деревняхъ-ли, въ пустынной дорогѣ,
Поглупѣвъ отъ болей своихъ,
Я смѣяться буду много
И выкрикивать смѣшной стихъ.
Веселитесь, смѣйтесь безболно,
Укрѣплю свой дурацкій колпакъ,
Полуночью-жъ дорогой окольной
Возвращусь въ свой жаркій чердакъ.

Рюрикъ Ивневъ.

ЛЮБОВЬ ВЪ ТРАМВАѢ.

Влюбленность—осенью. Прощанье—въ маѢ.
Улыбки—вечеромъ. А утромъ—слезы.
Въ садахъ—галантности. Любовь—въ трамваѢ.
Въ гробу—торжественность. Къ вѣнцу—плерезы.

Тоска—застывшая въ улыбкаѢ странной.
Въ сверканьяхъ пошлости—огонь незримый.
Въ угарѢ города толпою пьяной
Цвѣтокъ растоптанный, цвѣтокъ любимый!

М. Струве.

* * *

Октябрь въ началѢ. Вновь студено,
Снѣгъ пляшетъ бѣлый свой балетъ,
А я слагаю тріолетъ
Подъ жаркой лампою зеленой.

Какъ снѣга я люблю балетъ!
Вѣдь Вы сказали въ мѣсяцъ ноны:
„МнѢ кажется, что Ваши стоны
Лишь снѣга тающій балетъ!“

Димитрій Крючковъ.

Полсумракъ вздрагивалъ. Фонари свѣтовыми топорами
Разрубали городскую тьму на улицы гулкія.
Какъ щепки, подъ неслышными ударами
Отлетали маленькіе переулки.

* *
*

Громоздился другъ на друга сто этажные вымыслы.
Городъ пролилъ крики, визги, гульные брызги.
Вздыбились моторы и душу вынесли
Пьяную отъ шума, какъ отъ стакана виски.

* *
*

Электрическіе черти въ черепѣ развѣсили
Веселыя когда-то суевѣрія—теперь трупы;
И ко мнѣ, бронированному позой Цезаря,
Подкрадывается городъ съ кинжаломъ Брута.

Вадимъ Шершеневичъ.

25 сентября 1913.
Москва.

ВИЗАНТІЯ.

Порфиры, мантии и митры и короны
И грамоты царей съ печатью золотой
И цѣннымъ жемчугомъ усыпанные троны
И пышная парча съ серебряной каймой.
Блескъ ослѣпительный придворныхъ церемоній,
Вельможъ, сановниковъ, монаховъ длинный рой
И мирра и цвѣты и ладанъ и иконы
И алый балдахинъ надъ царскою четой
Повелѣвавшія царями фаворитки,
Кроваво-жуткихъ драмъ и заговоровъ свитки
И сѣти тонкія раскинутыхъ интригъ,—
— Все сбросило вѣковъ заржавленные цѣпи,
Все манитъ, все влечетъ въ быломъ великолѣпьи,
Какъ желтые листы полуистлѣвшихъ книгъ.

Кн. Шахназарова.

МЪДЬ ГРЕМЯЩАЯ И КИМВАЛЬ ЗВУЧАЩІЙ.

Такъ вотъ онъ долгожданный, благословенный кризисъ! Втеченіе долгихъ лѣтъ журнальная критика пугала русскаго обывателя этимъ словомъ, называя кризисомъ туманно-мглистую слякоть, нависшую надъ русскимъ художествомъ. Но не о «кризисѣ» слѣдовало говорить тогда, а о пустотѣ и ничтожествѣ литературнаго дня. Повторяемое изъ года въ годъ блюстителями нашихъ литературныхъ нравовъ, слово это служило жупеломъ, долженствующимъ предупредить возможность бунта противъ мертвыхъ образцовъ и священныхъ канонѣвъ. Бунтъ «мальчишекъ», объединенныхъ въ декадентствѣ, трагически и неожиданно оборвался; вознесенные къ высотамъ громаднаго творческаго напряженія и лирическаго экстаза не декаденты ли испугались своей гордости, своего подвига одиночества? Дерзновенно возвѣстившіе объ индивидуализмѣ, дерзновенно провозгласившіе — «въ этомъ волшебномъ мірѣ ты свободенъ» почувствовали тягость свободы, ибо ихъ «свобода была свобода безъ цѣли». И освобожденіе отъ канона вновь смѣнилось стремленіемъ къ нему, періодъ восторженности и «опьяненія» смѣнился періодомъ разочарованія, — но въ сущности испугомъ передъ отъединеніемъ, устремленіемъ въ жизнь. Однако тогда, въ послѣдніе годы существованія послѣдняго декадентскаго журнала — «Вѣсовъ», наступало только начало конца, а затѣмъ слѣдовали годы внутренняго разложенія и только теперь мы накануне окончательной ликвидаціи русскаго символизма. Преступившіе основные завѣты его должны окончательно порвать со своимъ прошлымъ, сосчитаться съ нимъ, ибо непримиримы двѣ вѣры, — одна, воплощенная въ образѣ Прекрасной Дульцинеи, другая — въ образѣ Альдонсы...

«Мое возстаніе на Сологуба есть возстаніе на Леонардо да Винчи, на Джіоконду, на Тютчева, т. е. на все то, что я любилъ, да и сейчасъ люблю... чтобы пролить муро, надо разбить сосудъ, разрушить его, не жалѣть; это и значитъ: не жалѣть искусства, разрушить какую то внѣшнюю форму, принести ее въ жертву» *). — Въ этихъ словахъ дѣйствительно разрывъ съ прошлымъ, отказъ отъ него, зловѣщее проклятіе всему тому, во что такъ вѣрилъ еще недавно одинъ изъ зачинателей русскаго декаданса. И когда тѣ другіе были бытъ можетъ даже болѣе жестоки въ отрицаніи искусства и съ яростью говорили объ «ядѣ» Тютчевской поэзіи, то не было такъ страшно какъ это, ибо тѣ и не любили Тютчева, попросту не знали и не понимали его, а Мережковскій вѣдь любилъ...

... «Муза Пушкина — наша невѣста, муза Некрасова — наша сестра или мать. Бываютъ ми-

нуты, когда мы любимъ сестру или мать больше невѣсты. Кажется сейчасъ такая минута... Какъ же намъ не любить его? Каковы мы, таковъ и онъ. Если онъ плохъ, значитъ и мы плохи, но все-таки онъ нашъ, плоть отъ плоти... отречься отъ него значитъ отъ себя отречься» *). И Мережковскій не жалѣетъ искусства, онъ разрушаетъ его, разрушаетъ какую то внѣшнюю форму, приноситъ въ жертву во имя того, что сейчасъ нужно, ибо сейчасъ «такая минута». И разрушая Пушкина, превозноситъ онъ Некрасова, дѣлаетъ этотъ «эстетическій промахъ», дѣлаетъ его сознательно и самъ кается въ немъ.

Альдонса побѣдила и Альдонсу возлюбилъ въ Некрасовской музѣ Мережковскій; ибо Некрасовъ все-таки «нашъ, нашъ единственный». Альдонса побѣдила, ибо, если въ изначальномъ раздвоеніи жизни и искусства чѣмъ нибудь жертвовать надо, — «то мы во всякомъ случаѣ пожертвуемъ не жизнью — искусству». Въ сущности, всѣ эти утвержденія вреда Тютчевской поэзіи, и яда Джіокондиной улыбки, въ сущности все это — только возвратъ къ публицистической эстетикѣ, все та же, давно знакомая, социальная педагогика, допускающая всяческіе эстетическіе промахи въ такія минуты... «Искалѣченъ, изломанъ, но не извращенъ», — пишетъ Мережковскій о Некрасовѣ, но если Некрасовъ и вся російская некрасовщина — искалѣчена, но не извращена, то ужъ некрасовщина Мережковскаго — прежде всего извращенная, ибо и у него, какъ у декадентскаго «дѣдушки» Тютчева, — зараза въ крови, «malaria». И въ этой извращенности весь страшный смыслъ проповѣди Мережковскаго, кающагося декадента, преступившаго декадансъ, но все же зараженнаго ядомъ Джіокондиной улыбки.

Мережковскій борется, старательно вытираетъ свое прошлое, вѣдь тамъ, въ этомъ прошломъ, есть дерзновенныя клятвы романтически настроеннаго юноши въ вѣчной вѣрности лику Прекрасной Дульцинеи, и потому то его новая вѣра — вѣра съ надрывомъ, рожденная не пафосомъ экстазныхъ настроеній, возбуждающая въ другихъ самое откровенное недоверіе. Какъ же не надрывъ, какъ же не мучительство, если «мое возстаніе на Тютчева есть возстаніе на то, что я любилъ, да и сейчасъ люблю»? Тѣ, другіе не признавали и не принимали, а этотъ признаетъ и не пріемлетъ. И потому то такъ оскорбительны, такъ богохульны слова Мережковскаго; и сознательный утилитаризмъ его, куда хуже прежней утилитарной эстетики, хоть дульцинировавшей Альдонсу, а Мережковскій пріемлетъ ее, эту отвратительную бабичью-жизнь, совсѣмъ не прикрашенной и пріемлетъ только потому, что она плоть отъ плоти нашей. Впрочемъ, обществен-

*) Изъ письма Мережковскаго къ Ѡ. Сологубу.

*) Д. Мережковскій. Некрасовъ. «Русское Слово» 9 авг. 1913 г.

ности своей пытается придать Мережковскій какой-то, мало выразительный, правда, религиозный характеръ. Самъ идетъ на мнимое закланіе и насъ туда-же толкаетъ, отъ насъ жертвъ требуетъ и самъ своими жертвами гордится. «На себя возсталъ», заявляетъ онъ, а дальше приводитъ святыя слова: «кто не возненавидитъ душу свою»... Однако причемъ же тутъ возстаніе на себя, бунтъ противъ себя, при чемъ слова о жертвахъ и подвигахъ, когда дѣлается это во имя нашего, единственнаго, когда отъ Некрасова отречься—это отъ себя отречься. Значитъ никакого возстанія то и нѣтъ, возстаніе было тогда, когда разрушалась давно канонизированная некрасовщина, подрубался тотъ сукъ, на которомъ возсѣдала вся русская интеллигенція; вотъ и Мережковскій пишетъ, что безъ Некрасова и русской интеллигенціи не будетъ. Значитъ теперь ужъ и не возстаніе, а словами этими думаютъ старые грѣхи заштопать. Ликвидация бунта—это вѣрнѣе; дерзновенное индивидуалистическое «преодолѣй въ себѣ человѣческое» смѣнилось жалкимъ цѣпленіемъ за «человѣческое, слишкомъ человѣческое...»

Къ дѣлу, зоветъ Д. С. Мережковскій; долой духъ созерцательный, жреческій и да восторжествуетъ духъ дѣйственный, жертвенный! Къ дѣлу зоветъ и другой дѣятель декаданса, Антонъ Крайній. Этотъ тоже не прочь сказать: «надо жизни, надо дѣлъ, долой слова». Т. е., конечно, не то, чтобы совсѣмъ долой слова, слова—словами рознь, а «раздѣлять» ихъ, бороться противъ однихъ и утверждать другія, вотъ «первое дѣло всякаго писателя въ наши дни». Это звучитъ почти такъ же, какъ у Мережковскаго: «сейчасъ такая минута». Не тоскуетъ ли и Антонъ Крайній о непрощенной жертвѣ, о закланіи, о возстаніи на самого себя. Критикъ защищаетъ даже М. Горькаго въ попыткѣ его «разрушить» Достоевскаго. Не то, чтобы самъ разрушалъ, а только оправдываетъ и мимоходомъ расписывается въ сочувствіи М. Горькому, ибо послѣдній сдѣлалъ «дѣло всякаго писателя въ наши дни», утверждая одни слова,— слова ободряющія, борясь противъ другихъ,—словъ разлагающихъ. И когда Антонъ Крайній несмотря на порывъ дѣйственнаго духа все же согласился оставить нѣкоторое мѣсто для словъ, ибо «огульное отричаніе ихъ— все таки ребячество», то критикъ и предполагалъ слова утверждающія, ободряющія, созидающія...

— Бѣдный, простой читатель, — жалѣетъ Антонъ Крайній, слова всякія заѣли, а жизни нѣтъ. Печатается въ «Сиринѣ» прекрасный романъ Андрея Бѣлаго «Петербургъ» и Антонъ Крайній тоже соглашается, что «это дѣйствительно изысканнѣйшая, тончайшая, новая проза», но несчастіе въ томъ, что это примѣръ «аристократичности настоящихъ верховъ» литературы, примѣръ того, что нѣтъ связи между

авторомъ романа и среднимъ общимъ читателемъ, съ простотой и правдой жизни. Съ одной стороны—люблю, понимаю, съ другой—все же возстаю, такъ какъ не нашъ, не плоть отъ плоти нашей.

Какая неожиданная эволюція, какая радость для «Современныхъ Мировъ» и російскихъ Львовъ—Рогачевскихъ. Послѣдніе не отступили подъ натискомъ русскаго декаданса и такъ въ своей ограниченности ни одной позиціи не отдали неприятелю, а декаденты не только что отступили, а въ ноги поклонились общественности изъ «Современнаго Мира», въ станъ оздоровителей записались и учительскую указку изъ рукъ самихъ Львовъ—Рогачевскихъ вотъ воть получать...

Въ жизнь, къ актуальности зоветъ и другая группа ликвидаторовъ русскаго декаданса, объединившаяся вокругъ «Трудовъ и Дней», развивающая положенія своего новаго символизма. Андрей Бѣлый и Вячеславъ Ивановъ тоже «разрушаютъ» и тоже «преодолѣваютъ»; они преодолѣваютъ въ сущности Ницше и томятся по торжеству «логизма вселенской идеи, надъ психологизмомъ мятущейся индивидуальности». Обрушиваясь на рамки «ограниченнаго индивидуализма» растеряны они отъ сознанія, что художникъ имѣетъ свой діапазонъ переживаній, а обыватель свой. «Твори, что хочешь этотъ міръ принадлежитъ тебѣ» — провозгласилъ декадансъ, а вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ, вдругъ возмездіе: «Вы оторваны, Вы забыли, что кромѣ Васъ есть люди... Есть огромный народъ,—та почва, въ которой сплетаются корни Ваши; будьте же болѣе почвенны, будьте болѣе народны».—Это былъ «голосъ жизни», который услышали символисты, по крайней мѣрѣ, казалось имъ, что услышали его. О, конечно, этотъ голосъ зазвучалъ не съ горныхъ высотъ вдохновеннаго Олимпа, нѣтъ, это проснулась забытая интеллигентская разсудочность, встали изъ заброшенныхъ могилъ тѣни инквизиторовъ, испытующихъ творческій духъ русскаго художества. Во имя чего эта свобода, свобода безъ цѣли?..

„Мы пережили безуміе иныхъ мировъ, преждевременно потребовавъ чуда... у насъ лица обожжены и обезображены», — писалъ въ 1910 г. А. Блокъ. Но говорить о преждевременномъ чудѣ не значитъ-ли это не вѣрить въ чудо и не ждать его? Не значитъ-ли это пойти самимъ, въ безвѣріи своемъ, въ мятежный лиловый сумракъ и даже не въ лиловый, а въ безцвѣтный сумракъ всепобѣждающей обывательщины, разрушающей покровы волшебства. Отсюда-то и начинается теоретизирующій символизмъ, развивающій положенія какого-то символическаго міропониманія, пытающійся во чтобы то ни стало отвѣтить во имя чего? «Труды и Дни» не такъ рѣшительны, какъ Мережковскій, здѣсь не революція, а только эволюція, здѣсь не бунтъ противъ прошлаго, а наоборотъ вѣрность завѣ-

тамъ. Символисты послѣдней формациі конечно не противъ свободы художника, но «свобода безъ цѣли» — фикція, говорятъ они, а вотъ свобода съ цѣлью это и есть настоящая свобода; искусство, конечно, автономно, но автономія нисколько не нарушается какимъ-то всеобщимъ нормативнымъ закономъ, какимъ-то внутреннимъ канонемъ, для творческаго поведения художника; а символизмъ нашихъ дней не хочетъ быть только искусствомъ, а «чѣмъ-то большимъ, и отъ поэта требуетъ, чтобъ онъ былъ не поэтомъ, а чѣмъ-то большимъ». Большимъ—это, конечно, звучитъ гордо, но почему же большимъ и быть можетъ будучи большимъ, оно перестанетъ быть самимъ собой? Вотъ и Мережковский тоже пренебрегъ искусствомъ, ибо для него искусство только внѣшняя форма, онъ тоже возмечталъ о большемъ, прозрѣвъ его въ томъ, что плоть отъ плоти нашей. И, наконецъ, что это за символическое міропониманіе и въ какой плоскости сталкивается оно съ искусствомъ? Міропониманіе символическое вѣроятно, какъ и всякое иное міропониманіе, претендуетъ на извѣстную логическую законченность, однако какъ эта законченность примирится съ прихотью безрѣзумаго вдохновенія? И что, если неожиданная, капризная, стихія бессознательнаго, полная антиномичнаго, что если эта стихія, таящаяся за гранью сознательнаго міра снесетъ препоны символическаго и всякихъ иныхъ міропониманій? «Исполняя всеобщую норму, ты не подражаешь» — стараются оправдать внутренній канонъ символисты, но развѣ не справедливъ встревоженный вопросъ одного изъ нихъ: «разъ канонично творчество Данте, Гомера, Пушкина или Гоголя—значитъ мое творчество должно приближаться къ творчеству этихъ великихъ»? И, наконецъ, гдѣ же тѣ вѣсы, гдѣ тѣ мѣры, которыми нерушимо будетъ закрѣплена каноничность этихъ великихъ?..

Однако, въ чемъ же главное теоретизирующаго символизма? О, это «главное» выражено съ непривычною для него очевидностью: искусство должно быть жизненнымъ, что значитъ «непроизвольно и беспочвенно мечтать, покрывая жизнь облачными чарами сонной грезы». И за всей теоретизаціей демократическаго символизма необычайно сложной и въ сущности трусливой, скрывающей за витиеватостью свою сущность, за всѣмъ этимъ слышенъ только одинъ настойчивый лозунгъ: въ жизнь, къ актуальности! За спиной стоитъ знакомый трагическій призракъ одиночества, недаромъ въ расцвѣтѣ своемъ русскій декадансъ называлъ одиночество свое «гнетущимъ», а впереди вязкая тина догматизма, разрѣшающаго всяческіе трагизмы и всяческія антиноміи. Страшная безысходность въ основѣ бездушнаго, утомляющаго и лживой теоретизаціи «Трудовъ и Дней» и угроза идолопоклонствомъ...

Истина современнаго символизма — истина

необычайно скользкая. Съ одной стороны искусство—только мѣдъ гремѣющая и кимваль звучащая, если оно не преслѣдуетъ цѣлей,—съ другою утверждения, что искусство свободно, а поэтъ есть пѣвчая птица; съ одной — неомраченность художнической совѣсти, чуждыми творчеству цѣлями,—съ другою символисты не только пѣвчая птица, а искусство идейно, преслѣдуетъ далекія и высокія цѣли; и дальше: искусство автономно, но оно есть идолъ; символизмъ есть міровоззрѣніе, борющееся со всѣми міровоззрѣніями, не свободно текущими изъ творчества, но самъ символизмъ — тоже міровоззрѣніе, лежащее «внѣ эстетическихъ категорій» и ставящее цѣли, внѣ искусства лежащая. Все это изъ одной только статьи Андрея Бѣлаго и все это вѣнчается откровеннымъ признаніемъ, «что отъ круга мыслей на творчество до самого творчества огромное разстояніе». И мысль читателя захлестывается потокомъ шумныхъ и потрясающихъ своей значительностью словъ, закруживается вихремъ терминностей, вихремъ эклектическихъ утверждений, все примиряющихъ и все сглаживающихъ. Но не для того прошли мы искусы декаданса и отравлялись ядовитыми отравками чарованій искусства, не для того, облаченные въ тогу романтики повѣрили въ свѣтозарную многоликость бездомной Психеи, не для того, чтобы отъ бушующихъ лиловыхъ міровъ и психологизма мятежной личности снова притти къ ограниченности и законченности философическихъ доктринъ, къ школьному догматизму...

Изъ всѣхъ литературныхъ группъ современности только эго-футуризмъ остался вѣренъ русскому декадансу въ борьбѣ его за самодовлѣющую цѣнность искусства, того искусства, которое хочетъ быть только искусствомъ и не посягаетъ ни на что другое, хотя бы и большее. И, вступивъ на путь утверждения свободы творческаго произвола, эго-футуризмъ долженъ былъ притти къ отрицанію всякой значительности и всякаго смысла существованія школъ, ибо какъ же можетъ существовать значительность и смыслъ этого вопроса для тѣхъ, кто вѣренъ завѣтамъ декаданса.

«Я одинокъ въ своей задачѣ» — пишетъ Игорь Сѣверянинъ—и это не только выраженіе личнаго настроенія поэта, а дѣйствительно вѣрность художественной совѣсти, не искушенной доктринерствомъ, — вѣра въ благословенную, божественную интуицію. «Одиночество» не грозитъ никакими трагизмами, а путь индивидуализма не обрекаетъ на нихъ. И если изъ порывной и громкой стихіи безрѣзумаго встанутъ лиловые міры, если встанутъ оттуда угрозы видѣнія, то не канонами и догматами отражатъ ихъ, не въ логической законченности міросозерцаній искать спасенія.

Индивидуализмъ самъ по себѣ ничего не опредѣляетъ и ни на что не обрекаетъ; свертывая всякое идолопоклонство, снося всѣ препоны,

мѣшающіе самовыраженію поэта, онъ открываетъ широкіе пути свободному творчеству и люди, которые идутъ этими путями никогда «не знаютъ куда это приведетъ ихъ». И если бы признали мы каноничность творчества Данте, Гомера, Пушкина, то завтра обречены мы на смятеніе передъ гениемъ, придущимъ въ міръ и откроящимъ намъ сказочные дали невѣдомыхъ еще достижений.

Знаменательно, что съ эго-футуризмомъ пришло и утвержденіе интуитивной критики, бѣгущей отъ мертвыхъ образцовъ догматической литературы къ широкимъ звѣзднымъ просторамъ неустанныхъ творческихъ преображеній *). Уйдя отъ традицій русской критики, базирующейся на позорномъ профессионализмѣ, поставившей своей задачей популяризацию достижений художника, переводъ съ «языка боговъ» на языкъ обывательскій, стуженіе діапазона переживаній до обывательскаго діапазона, она повѣрила въ иррациональность творческаго начала. И повѣривъ, должна была отказаться отъ попытокъ утвержденія какихъ либо категорическихъ императивовъ, опредѣляющихъ творческое поведение художника, ибо, идя путемъ выявленія своего творческаго духа, поэту нѣтъ дѣла до всего того, что лежитъ внѣ этого пути.

Значитъ, искусство для искусства?—злорадно спросятъ теоретики, претендующіе на жречество. Я не знаю, что отвѣтить г-дамъ классификаторамъ, ибо никогда не спрашивалъ себя—во имя чего? Но если такъ ужъ необходимо прибѣгать къ давно истрепавшимся формуламъ, если такъ ужъ необходимо классифицировать, то конечно искусство для искусства. Непонятно только почему, когда говорятъ объ этомъ, то принято говорить о формальной эстетикѣ, а не объ эстетикѣ вообще, о красотѣ, а не о красотѣ, о мастерствѣ, а не о творческомъ вдохновеніи...

Символисты демократическаго толка тѣхъ, кто не отвѣтилъ—во имя чего? возлюбившихъ въ искусствѣ величайшую безцѣльность, называютъ мечтателями, бѣглецами отъ жизни, которымъ нравятся «теплицы празднаго мечтательства». Да, мы праздные мечтатели, мы не вѣрящіе въ ваше всенародное искусство, восклицаемъ: «цвѣтовъ, цвѣтовъ, чтобы прикрыть ими черную дыру», да, мы восклицаемъ это, но для насъ это—не снобизмъ и не насъ обдѣлили музы художественнымъ прозрѣніемъ и вѣрой въ истину воскресенія. Вѣрные завѣтамъ индивидуализма на нашей сторонѣ и художественное прозрѣніе, и вѣра въ воскресеніе, ибо не сводимъ мы ихъ на степень жизненности, до діапазона обывательскихъ переживаній. И пусть упоительна мечта Оскара Уайльда о томъ времени, когда жизнь станеть

искусствомъ, когда облечется она въ линіи и краски искусства, быть можетъ упоительна и мечта «Трудовъ и Дней» о всенародномъ искусствѣ, но во имя достижений будущаго, мы не хотимъ дѣлать уступокъ настоящему. И вдохновенное искусство зоветъ своихъ служителей не къ актуальности, не въ жизнь, что равно обрученію съ ней, а къ вдохновенному созерцанію.

ВИКТОРЪ ХОВИНЪ.

КРИТИКЪ-ИНТУИТЬ.

(Иннокентій Анненскій).

Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавашаго и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души...

Гоголь. «Портретъ».

Анненскій—лирикъ, поэтъ глубины изумительной, настроеній тонкихъ, благоуханныхъ, улетающихъ давно приняты сердцами; во многихъ прекрасныхъ кельяхъ чистыхъ душъ горятъ передъ его ликомъ неугасимыя лампы благодарной памяти и благоговѣйнаго преклоненія. Но критикъ—Анненскій не въ фаворѣ, въ суетномъ забвеніи—быть можетъ „Кипарисовый ларецъ“ эта изумительная, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ единственная, книга бросаетъ слишкомъ густую тѣнь на перваго русскаго критика-интуита? Я склоненъ думать, что причина тутъ другая—въ погонѣ за новымъ, преклоняясь передъ кумирами—однодневками и крѣпко чихая отъ пыли взрытаго, подчасъ совершенно справедливо заброшеннаго хлама, мы забываемъ о драгоцѣнномъ наслѣдствѣ оставленномъ намъ Анненскимъ—двухъ небольшихъ „Книгахъ Отраженій“.

„Поэты пишутъ не для зеркалъ и не для стоячихъ водъ. Самое чтеніе поэта есть уже творчество“. И это творчество, это воплощеніе Уйальдовскихъ мечтаній о критикѣ-художникѣ взростило изумительный садъ его художественныхъ блужданій; по этимъ извилистымъ, затѣйливымъ дорожкамъ мы послѣдуемъ за мечтателемъ.

Не надо бояться его страстности, недоговоренности, чужерѣчія—вѣдь онъ не разбираетъ и не оцѣниваетъ—онъ отдается любимымъ образамъ, онъ поетъ про свои впечатлѣнія, безграничныя, неуловимыя, какъ облака знойной порою въ вѣчно-желанномъ небѣ, такія же причудливыя, такія же невѣроятныя и сказочныя.

„Носъ“ и „Портретъ“ начинаютъ „Книгу Отраженій“—„Носъ“ открывшій намъ еще новые уклоны гоголевскаго юмора—вотъ, вотъ

*) Это не значитъ, что эго-футуризмъ впервые возвѣтилъ объ интуитивной критикѣ.

смѣхъ перейдетъ въ хохотъ безшабашный, уробный—нѣтъ, мелькнуло что-то давящее, зловѣщее и изъ за сбѣжавшаго наглымъ образомъ отъ своего законнаго владѣльца носа выглядываетъ почтеннѣйшій Передоновъ и жадно ищетъ въ вашей душѣ мѣстечка получше, гдѣ бы наплевать да напакостить. И рядомъ съ этимъ гулякой-Носомъ, фантомомъ—пѣро съ пугающимъ костякомъ подъ балаганнымъ балахономъ—„Портретъ“—не повѣсть, музыка, бредъ, экстазъ. Вотъ мы отъ „Пиковою Дамы“ черезъ „Портретъ“ придемъ къ Шатовымъ и Карамазовымъ, къ творчеству того, кто и писать-то не писалъ, а горячимъ сердцемъ исповѣдовался. Возможно ли о немъ, о „горячемъ сердцѣ“, инквизиторскомъ, пылающемъ, кровоточащемъ неустанно, писать потихоньку да полегоньку, не захлебываясь, не проклиная и благословляя, не вопя черемѣрно отъ мукъ и радостей слитыхъ въ противоестественный хмель.

Голядкинъ и коллежскій ассесоръ Ковалевъ, а за ними будочники, квартальные, такъ себѣ любопытствующія особы мужеска и женска пола—быть во всей неприглядности своей. На картинкахъ—хорошо, а поближе такъ и вообще скверно—душѣ претить и въ носъ чѣмъ то неважнымъ шибаетъ. Тамъ глаза—проклятые глаза—перейдена граница художества, живутъ они, тѣсно въ старой рамѣ... Быть можетъ поспѣшить критикъ къ эпилогу—въ немъ, какъ на снѣжныхъ вершинахъ, духъ захватываетъ. Гоголь просвѣтленный, умудрившійся какъ дитя, разомъ взглянувшій на родину, какъ на храмъ, а на бытѣ—какъ на образъ—страшенъ и критику-интуиту. Хочется отъ вершинъ заледенѣлыхъ сойти въ цвѣтущіе доли—посмотримъ, какъ тѣ дышатъ, на которыхъ еще не взглянули страшные глаза проклятыхъ портретовъ, около которыхъ не юлитъ залечнымъ бѣсенкомъ неизвѣстно отъ кого сбѣжавшій Носъ. Нѣжная печаль Чехова—триста лѣтъ подождемъ еще до красивой жизни, а пока... пока будемъ дѣлать ненужное, скучное, молчать, мечтать. И чуть было не забыли о камнѣ-самоцвѣтѣ, который здѣсь, сейчасъ въ рукахъ—о родномъ словѣ, переливномъ, запоевѣдномъ.

Я—изысканность русской, медлительной рѣчи, Предо мною другіе поэты—предтечи, Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны, Перецѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Вотъ сейчасъ мы часто бранимъ Бальмонта и подѣломъ—скучно читать его маорійскіе и прочіе „нарочито-экзотическіе“ стихи. Скучно и неубѣдительно—самъ онъ въ нихъ не повѣрилъ и мы ему не вѣримъ. Чудо съ Гоганомъ было плѣнительно, а будетъ ли вновь—кто знаетъ. На то и чудо, чтобы ужасало и изумляло—вѣдь недаромъ для него „премѣняется естества чинъ“. Но то Бальмонтъ нашъ, теперешній, футуристической эры—а тогда это

былъ самовлюбленный, радостный, черемѣрный поэтъ. Пѣлъ и самъ себя слушалъ—и казалось—никогда и голосу не утомиться и пѣснѣ не окончиться. Вотъ этого „молодого“ Бальмонта слушалъ Анненскій и въ дурманѣ его напѣвовъ создалъ незабываемую статью о немъ—памятникъ нерукотворный поэту. Съ какой страстностью, временами даже яростью Анненскій нападаетъ на „обыденный, служилый волапюкъ“:

„Мы слишкомъ привыкли смотрѣть на слово сверху внизъ, какъ на нѣчто безцвѣтно-служилое, точно-бы это была какая-нибудь стенографія или эсперанто, а не эстетически цѣнное явленіе изъ области древнѣйшаго и тончайшаго изъ искусствъ, гдѣ живутъ міровые типы со всей красотой ихъ эмоціональнаго и живописнаго выраженія“. Не правда ли—странная цитата? Не вчера ли это написано—быть можетъ это въ защиту „самовитаго слова“ Николай Бурлюкъ или кто-нибудь изъ вновь народившихся «всековъ» ратоборствуетъ? На книжкѣ—1906 годъ, времена давнопрошедшія, а написалъ ее человѣкъ давно канонизованный; мало того—ужъ нѣкоторые изъ эстетствующихъ его на полочку успѣли поставить и со сладенькой улыбочкой (непремѣнно стилизованной—такъ приблизительно въ духѣ конца XVIII вѣка!) подумали: «Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!» Подъ густой пылью приличествующей музейнымъ антикамъ, дорогія черты не скоро разглядишь. Крѣпко надо махнуть—авось тогда и еще что или кто-нибудь съ неподобающаго мѣста слетитъ.

Бальмонту посчастливилось найти въ Анненскомъ пылкаго энтузіаста и тонкаго цѣнителя. Въ самомъ дѣлѣ, ну какъ не забыть всѣхъ прегрѣшеній Настоящаго Дня, какъ не вспомнить этихъ знакомыхъ и вѣчно-милыхъ строкъ.

Нѣжнѣе, чѣмъ блескъ водоема
Гдѣ слитное пѣніе струй,
Чѣмъ пѣсня, что съ дѣтства знакома,
Чѣмъ первой любви поцѣлуй,
Нѣжнѣе того, что желанно
Огнемъ волшебства своего,
Нѣжнѣе чѣмъ польская панна
И значитъ нѣжнѣе всего.

Я намѣренно умолчалъ еще объ одной статьѣ въ первой книгѣ «Отраженій». «Клара Миличъ» загла Анненскаго—„Умирающій Тургеневъ“ назвалъ онъ строки, рожденныя этимъ сномъ, этимъ трагическимъ видѣніемъ Красоты. Я бы сказалъ „усопшій“—вѣдь и Анненскій думаетъ, что писалъ это Тургеневъ на закатѣ лѣта, многоцвѣтной осенью. „Золотое успеніе“—вотъ невидимый подзаголовокъ къ этой повѣсти, къ этому сну Любви и Смерти. И ужъ въ мечтахъ сейчасъ сверкаетъ золотая доска, на ней—ангелы темноочитые, много-

крылатые несутъ усопшую въ бирюзовыя обители. За годъ до смерти написалъ Тургеневъ „Клару Миличъ“ — „ощущеніе непознаннаго, только манившаго и такъ дерзко отвергнутаго“; сердце еще билось жаждой бытія, а за плечами ужъ встала Утѣшительница—глядѣла спокойнымъ и безконечнымъ взглядомъ на духъ, утомленный дорожной суетой. И не даваясь цѣлью проникнуть въ лабораторію творчества, Анненскій жилъ и горѣлъ хоть на мгновенье этимъ предзакатнымъ, тургеневскимъ сномъ; близка была ему Красота невоплощенная, нелюбимая: „Да стоитъ жить и даже страдать, если этимъ покупается возможность думать о Кларѣ Миличъ“.

И во второй книгѣ критикъ-интуитъ опять вернулся къ любимому образу; легкой тѣнью прошла Миличъ по страницамъ, въ туманныхъ даяхъ взглянули Гейне, Лермонтовъ, Пушкинъ и Достоевскій, конечно Достоевскій—неисчерпаемый, пламенный колодець, какой-то непогасающій кратеръ—бѣжать хочется и тянетъ еще и еще заглянуть въ темное жерло, гдѣ на невѣдомой глубинѣ клокочетъ и рвется скованное пламя и ѣдкій дымъ ѣсть глаза и заставляетъ плакать невольными, щедрыми слезами.

Предисловіе Анненскаго ко второй книгѣ „Отраженій“ невелико, но очень значительно; въ немъ—онъ цѣликомъ передъ нами.

„Мои отраженія сѣпила, нѣтъ, даже раньше ихъ вызвала *моя давняя тревога*. И всѣ ихъ проникаетъ проблема творчества, одно волненіе, съ которымъ я, подобно вамъ, *ищу оправданія жизни*“.

Давняя тревога — лозунгъ этихъ двухъ книгъ. Невелики онъ по объему, но велико ихъ значеніе для нарождающейся въ наши дни интуитивной критики и для грядущаго читателя-творца.

Поискъ оправданія жизни терзалъ Анненскаго.

Чернота корридора
Все безотвѣтнѣй и глуше...
Нѣтъ, не хочу, не хочу!
Какъ? Ни людей, ни пути?..
Гаситъ дыханье свѣчу...
Тише... Ты долженъ ползти...

Въ кievскихъ пещерахъ душно и глухо и можетъ развѣ духъ, къ орлинымъ полетамъ привыкшій, въ землѣ ползти... А наверху

вдругъ встрѣтится Носъ при орденахъ и въ треуголкѣ, а то и Свидригайловская вѣчная банька вспоманется...

Въ давней своей тревогѣ Иннокентій Анненскій подарилъ русскимъ людямъ свои двѣ книги «Отраженій». «Отраженія» ждутъ своего продолжателя и законнаго наслѣдника. Ни разнوخиванье обывательства писателя, ни воровское копанье въ его кабинетныхъ бумагахъ, ни плоды еженощнаго бдѣнія—трафареты журнально-газетной рецензуры не составляютъ задачъ художественной критики. Зажечь свѣтильникъ свой у факела иного, заболѣть недугами поэта, влюбиться съ Бальмонтомъ, стать строгимъ съ Сологубомъ, преклониться вмѣстѣ съ Блокомъ передъ Дамою, похожей на «вечернихъ Богородицъ»—вотъ единственный, святой, благодатный путь критика-художника.

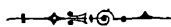
Сколько алмазныхъ россыпей, сталактитовъ въ невѣдомыхъ пещерахъ Будущаго, сколько тонкой, молитвенной прелести въ нѣжно-поблекшихъ фрескахъ Прошедшаго! Спѣшите, новые Челлини, исправить эти лалы въ золото вашихъ измышлений—васъ ждутъ обрывы, пропасти и просвѣтленность Гоголя и Достоевскаго, милая сентиментальность и увлекательный романтизмъ Лѣскова, воздушныя чары чеховскихъ сновъ—передъ вами шумитъ заповѣдный боръ русской поэзіи—какихъ чудищъ вы тамъ ни встрѣтите, какія были и небылицы ни приснятся вамъ на заповѣдныхъ его полянахъ межъ колючимъ ельникомъ да корявымъ березнякомъ.

Оправданія жизни искалъ Анненскій въ проблемѣ творчества. Нашелъ ли онъ его? Въ статьѣ о «Кларѣ Миличъ» онъ сравниваетъ себя съ ожидающимъ очереди у театральной кассы. Этотъ образъ вдругъ напоминаетъ намъ бунтъ «карамазовщины», все тотъ же заклятый, отвергаемый «билетъ на безсмертіе». Но шла жизнь, сѣрѣли сумерки и въ преддверіи Бездны пришло успокоеніе и примиреніе.

Въ работѣ ль тамъ не безъ прорухъ
Иль въ механизмѣ есть подвохъ,
Но былъ бы мой безсмертный духъ
Теперь не духъ, онъ былъ бы Богъ,
Когда бъ не «пиль»! да не «тубо»!
Да не «тю-тю» послѣ «бо-бо»!

ДИМИТРІЙ КРЮЧКОВЪ

4 января 1914 г.

ПАМЯТИ

Ивана Васильевича Игнатьева.

Смерть приходящая избавить отъ тяготы земной, отъ людской злобы и непониманія, мудрая Утѣшительница бываетъ желанна скорбящему сердцу, утомленной душѣ. Но эта смерть — внезапная, мучительная, искаженная какой-то трагической гримасой—на слѣдующій день послѣ брачнаго ликованія... Какъ принять ее, какъ вмѣстить эту необходимость? Все въ ней пугающе — жестоко, какъ та кровь, что окрасила багрянцемъ внезапнаго заката бѣлыя розы брачнаго букета. Для насъ скрыто навѣки то, что заставило уйти такъ поспѣшно, такъ невѣроят-но быстро нашего собрата по литературной работѣ, по исканіямъ невоплощенной, поруганной Красоты. Быть можетъ безуміе захватило его внезапно цѣпкой лапой своей—но и надъ его могилой мы не отречемся отъ нашей влюбленности въ Искусство. Сердце знаетъ, что не все окончено, что встрѣча свершится, что „много обителѣй у Отца“.

—+❖❖❖+—

Тѣ розы бѣлыя—вѣнокъ кровавыхъ розъ
Положимъ мы, скорбящіе, на грудь,
Вспоманемъ, проводивъ въ далекій путь,
Тѣ розы брачныя—вѣнокъ кровавыхъ розъ.
Въ обители Твоей Ты дай ему уснуть,
О вѣчно — благостный, прощающій Христось.
О розы бѣлыя—вѣнокъ кровавыхъ розъ.—
Будь въ лонѣ Отческомъ, отшедшій въ дальній путь.

Димитрій Крючковъ.

ИСТИНА ИЛИ СЛОВЕСНОСТЬ?

Открытое письмо председателю СПБ. Религиозно-Философскаго Об-ва проф. А. В. Карташеву.

Царство Мое не отъ міра сего...

Въ послѣднемъ засѣданіи СПБ. Религиозно-Философскаго Об-ва 26-го января 1914 года состоялись весьма бурныя пренія по вопросу объ исключеніи В. В. Розанова изъ числа членовъ Общества.

Когда послѣ Вашей рѣчи, резюмировавшей все сказанное, я захотѣлъ сказать нѣсколько словъ по поводу объявленныхъ Вами *ex cathedra* максимумъ, то председательствующій проф. Туганъ-Барановскій «заградилъ» мнѣ уста. Подобное „загражденіе“ несомнѣнно какъ нельзя лучше ведетъ къ одной цѣли—трогательному унисону собранія и съ этой точки зрѣнія вполне отвѣчаетъ желаніямъ лицъ, ищущихъ выясненія «истиннаго лица Общества». Но я, будучи съ малолѣтства зараженъ тлетворнымъ вліяніемъ индивидуализма, рѣшаюсь здѣсь высказать то, о чемъ мнѣ было запрещено говорить г. председателемъ.

Нужно сказать, что рѣчь Вячеслава Иванова произвела на меня громадное впечатлѣніе—было страшно и жутко слушать, какъ въ религиозно-философскомъ Обществѣ приходится просить о дарованіи свободы мышленія, личныхъ исканій. Еще страшнѣе было видѣть насмѣшливыя улыбки членовъ Совѣта и недовольный ропотъ публики по адресу говорившаго. Мнѣ казалось, что неуспѣхъ рѣчи Вячеслава Иванова и шумное одобреніе выпадовъ проф. Гредескула дѣйствительно приподнимаютъ завѣсу, скрывавшую истинное лицо Общества. Но главное было впереди—съ прямолинейностью, не уступающей знаменитому письму Горькаго о Достоевскомъ, Вы осудили индивидуализмъ усталый и пагубный, не отличающій Зла отъ Добра, не признающій *здоровыхъ* нормъ. Говоря это, Вы все время говорили „мы“. Теперь я спрашиваю Васъ—было ли это „мы“ истиной или словесностью? Есть ли Ваши слова—лицо Совѣта, а въ силу желаемого унисона, и лицо Общества или же гипнозъ эстрады выразился на этотъ разъ въ черемъномъ увлеченіи звукомъ собственныхъ словъ?

Если это было Ваше мнѣніе, то во имя чего, ратуя за корректность и уваженіе къ человѣческой личности, Вы характеризовали Церковь какъ носительницу рабства? Пользуясь какими полномочіями, сказали Вы намъ тутъ же, что Общество *борется* противъ католицизма и православія? Если таково мнѣніе Совѣта, если таково требующійся унисонъ, то почему же еще рѣшительнѣе не заграждены уста тѣмъ, кто въ силу своего положенія не можетъ не раз-

ноголосить съ этимъ хоромъ? Если всякое слово за Церковь встрѣчаетъ или рѣзкій отпоръ, доходящій до оскорбленія всего дорогаго душѣ ея дѣтей или же просто прерывается нежеланіемъ слушать дальше или бранью (какъ это было со мной при попыткѣ личнаго спора съ Вами послѣ доклада С. Соловьева), то какую же странную и унижительную роль играютъ въ Обществѣ эти священники, принужденные молчать и сливаться въ требуемомъ унисонѣ! Почему Общество до сихъ поръ терпитъ ихъ въ своей средѣ, почему оно даетъ говорить Вячеславу Иванову, смущающему покорныхъ чадъ Совѣта! И наконецъ, сдѣланное предложеніе составить катехизисъ для нормирования поведенія членовъ Общества—превосходно. Я не понимаю только, почему до сихъ поръ этотъ проэктъ не осуществленъ—этимъ сразу бы отдѣлили овецъ отъ козлищъ. А то правда трудно предугадать, на кого не захотите Вы взглянуть или кому не пожелаетъ подавать руку проф. Гредескулъ. Въ свое время Писаревъ сомнѣвался «осмѣлится ли» хоть одинъ журналъ въ Россіи печатать произведенія Лѣскова. Этотъ судъ, по словамъ Венгерова, «неумолимо суровый и въ значительной степени несправедливый», Вы хотите примѣнять къ негоднымъ для Васъ лицамъ. Въдь когда нѣкоторые желали затушевать слово „судъ“, то Д. С. Мережковскій рѣзко подчеркнул, что все засѣданіе есть и должно быть именно *судомъ*.

Не Вы ли заявили, что Розанову нигдѣ нѣтъ мѣста—очевидно въ тотъ моментъ Вы забыли, что мысль нельзя ни сжечь ни изгнать. Послѣ Вашего резюме мы должны опять, какъ въ добрые старые годы, привѣтствовать «честныхъ» бездарности и гнать «неудобные» таланты. Не становитесь ли этимъ Вы и тѣ, мнѣніе которыхъ Вы представляете, на одну доску съ врагами своими—они въдь тоже ищутъ унисона и награждаютъ благонамѣренное послушаніе въ ущербъ непокоряющемуся дарованію! Правъ былъ Вячеславъ Ивановъ, говорившій о цензурѣ, грозящей намъ со всѣхъ сторонъ, но напрасно онъ просилъ „амнистировать“ писателей—въ Обществѣ считаемъ, а не взвѣшивающемъ голоса, всегда будетъ царить трубный гласъ Князя міра сего. Я не льщу себя надеждой на полученіе какого либо отвѣта на это письмо—Вы можете съ высоты Вашего председателскаго мѣста отвѣтить презрительнымъ молчаніемъ—такъ въдь будетъ для Васъ и удобнѣе и эффектнѣе. Думаю я также, что дальнѣйшій входъ въ Общество будетъ мнѣ загражденъ—въ интересахъ унисона, вѣроятно лучше всего, заткнуть мнѣ ротъ, гдѣ только можно.

Въ Религиозно-Философскомъ Обществѣ я ожидалъ найти обсужденіе вопросовъ меня волнующихъ до муки и до слезъ. Но тамъ мнѣ встрѣтились люди „сами не могуціе войти и

входящихъ не впускающіе“. И невольно въ голубу приходятъ все тѣ же слова: „Внемлите же отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. *Отъ плодовъ ихъ узнаете ихъ*“.

ДИМИТРІЙ КРЮЧКОВЪ.

СПБ. 28 I. 14 г.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Борисъ Пастернакъ. Близнецъ въ тучахъ. Предисловіе Николая Асѣва. И-во Лирика. Ц. 50 коп.

Сергѣй Бобровъ. Вертоградари надъ лозами. И-во Лирика. Ц. 1 р. 50 к. Фронтиспись и обложка Наталіи Гончаровой.

Лирика. Первый альманахъ. Цѣна 1 руб.

Юліанъ Анисимовъ. Обитель. И-во Альціона. Цѣна 1 руб.

И. Эренбургъ Дѣтское. Парижъ.

Р.-М. Рильке. Книга часовъ. Москва И-во Лирика. Переводъ Юліана Анисимова. Цѣна 1 рубль.

Гетѣ. Тайны. Переводъ А. А. Сидорова. Предисловіе Г. А. Рачинскаго. И-во Лирика. Цѣна 50 коп.

Въ предисловіи къ стихамъ Бориса Пастернака Николай Асѣвъ говоритъ «о стражахъ бутафорическаго Грааля» и спустя немного упоминаетъ имя дорогое и незабвенное—Ивана Коневскаго.

Засеребрятся малины листы,
Запрокинувшіеся изнанкой;—
Солнце грустно сегодня, какъ ты,
Солнце нынче, какъ ты—сѣверянка.

Таки строки будятъ въ насъ упованіе на истинное рыцарство поэта; пока еще лицо его въ предутреннемъ туманѣ, но грядущій день зажжетъ его острѣе и пламеннѣе. Въ этой книгѣ мы находимъ и цѣлый рядъ интересныхъ словообразованій: зимовій, дымногрудый, сонъ и другія.

«Вертоградари надъ лозами» Сергѣя Боброва—книга большихъ и многихъ исканій. Одни имена цитируемыя поэтомъ воссоздаютъ передъ нами его блужданія — и кто знаетъ, что же дороже будетъ ему—радость ли обрѣтенія или эти замысловатые, дразнящіе душу пути?

Сплетеніе прелестныхъ именъ создаетъ въ стихахъ этихъ зеленодышащіе сады... но не сады ли только—всѣмъ сердцемъ сочувствуя поэту, когда онъ говоритъ:

И въ странствіе съ собой возьмешь
Языкова и Коневскаго

или же

Мнѣ радостна судьба обманчивая
Туманскаго и Деларю,

мы все ждемъ его путей, его безгранной воли, пусть неприемлемаго, но одинокаго напѣва. Вотъ почему изъ всѣхъ стихотвореній сердце больше всего раздуется «Совѣтъ»:

Россійской острой простотой
Смѣнивь французскія химеры,
За Павловой, Растопчиной,
Бросаешь въ сторону Бодлера,
Раблэ, Кузминъ и Апулей,
Гриффинъ и Платенъ—позабыты,
Да и Уйальдовскихъ затѣй
Прискучившіе хризолиты.
Вздохни—взгляни же на снѣга,
На тѣни въ серебрѣ лянъ ты,—
Не всѣ ли эти—жемчуга,
А тѣ не всѣ ли—бриллианты!

Думается, что взглянувъ на снѣжный міръ, на лунные пейзажи январскихъ причудъ, войдя въ зачарованные терема, поэтъ создастъ намъ много пѣвучихъ, радостныхъ строкъ. Передъ Бобровымъ свѣтлый путь къ истинному Граалю—пусть же онъ идетъ имъ—«какъ бы ни развратничали въ русской поэзіи молодые люди съ проносомъ». Альманахъ «Лирики»... Для всѣхъ молодыхъ поэтовъ, собравшихся подъ гостеприимный его кровъ, будутъ характерны эти строки Сергѣя Раевского:

Византійскаго хладнаго злата
Пламенѣетъ узорный покровъ.
И къ Тебѣ всякій даръ и утрата
И къ Тебѣ воздыханье безъ словъ.

Пусть Николай Асѣвъ въ «Пѣснѣ бочарныхъ подмастерьевъ» такъ чутко, такъ родимо почувствовалъ духъ очаровательныхъ сказокъ причудника Гофмана, все же сердце его и другихъ братьевъ не въ узкихъ улличкахъ романтически — прекраснаго, древняго города, а тамъ.

Гдѣ земля изъ простой павилики
Для молитвы свиваетъ оарь.

Про Юліана Анисимова скажемъ больше и подробнѣе—книга его «Обитель» даетъ достаточно яркое и опредѣленное представленіе объ его творческомъ уклонѣ.

Свѣтлый, таинственный, ясный туманами,
Русскій, родимый Христосъ!

Вся книга о родимомъ—о Руси и о заступникѣ ея—Христѣ. Подчасъ слышится отзвукъ Блоковской «Нечаянной Радости», но не поставимъ это въ вину поэту. Пусть очарованіе Тосканы приблизило его къ ладу пѣвца Прекрасной Дамы—надъ нимъ—родное небо, каждый стебель въ полѣ дорогъ ему, слова складываются просто и значительно:

И я иду, и—тихий шелестъ
Покорно гнущихся стеблей,
И каждый шелестъ—это пѣсня
Тебѣ, Сладчайшій Иисусъ.

Въ книгѣ И. Эренбурга «Дѣтское» слишкомъ мало самостоятельности—на поэта оказываетъ громадное, подчиняющее вліяніе Франсисъ Жаммъ. Но все же въ общемъ эта маленькая книжечка производитъ пріятное впечатлѣніе—въ ней ощущается прелесть природы, иногда попадаются интересныя и свѣжія сравненія какъ напр.:

Солнце—золотой шмель,
Но есть большой паукъ на свѣтѣ,
Если дождь идетъ подрядъ нѣсколько недѣль,
Значитъ солнце попало въ сѣти.
Лужи хлюпаютъ подъ ногой,
Мокрые воробьи хохлятся, съ деревьевъ каплетъ,

Это все пока шмель золотой
Не порветъ паутины тоненькой лапой.

И-во «Лирика» выпустило еще двѣ переводныхъ книги— „Книга часовъ“ Райнера-Маріи Рильке въ переводѣ Юліана Анисимова и „Тайны“ (фрагментъ) Гете въ переводѣ А. А. Сидорова. Обѣ книги небольшого формата, изданы очень изящно, въ особенноти послѣдняя.

Издательство обѣщаетъ выпустить въ ближайшемъ будущемъ «Реквиемъ» и «Разказы о Господѣ» Р.-М. Рильке. Это начинаніе слѣдуетъ привѣтствовать отъ всей души—давно пора познакомить русскаго читателя съ интереснымъ и своеобразнымъ творчествомъ этого выдающагося лирика.

Поэтъ.

Альманахъ «Шиповникъ». Книга 22-я. Спб. 1914. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ альманахѣ двѣ драмы и двѣ статьи. Во главѣ угла, конечно, препрославленное «Не убій». Все то же нарочитое пуганье, ужасъ погоняющій ужасомъ, надуманныя словечки для увеселенія райка—вся бѣтафорія „андреевщины“ съ ея какимъ-то особливо противнымъ мѣщанствомъ и подчасъ каррикатурнымъ вывертомъ. „Эффектная“ сцена покаянія «злодѣя»

посреди улицы и трактованный въ духѣ улично-либеральной прессы странникъ Теофанъ съ намеками на злободневность даютъ автору право рассчитывать на достойное мѣсто около Арцыбашевыхъ, Рышковыхъ и прочихъ поставщиковъ „театральщины“ для невзыскательной публики средняго пошиба. Къ драмѣ достойно примыкаетъ и статья съ гимномъ кинематографу; правда, что г. Андреевъ тутъ же твердитъ о «новой драмѣ», образцомъ которой является... его же «Екатерина Ивановна». Нелзя безъ тяжелаго чувства досады читать эти нелѣпыя и претенціозныя строки—утверждая „прекраснѣйшую правду суровыхъ и серьезныхъ дней обновленія“ г. Андреевъ очевидно вполне забываетъ о театрѣ—чудѣ, многокрасочномъ, многозвучномъ, дающемъ намъ возможность хоть на нѣсколько минутъ уйти въ сады фантазіи отъ вязкой слякоти ежедневности.

Драма Федора Сологуба «Любовь надъ безднами»—все тотъ же циклъ повѣствованій его о мучительной, своенравной Жизни, о долгожданной освободительницѣ Смерти. Мѣстами замѣчается какая-то чрезмерная схематичность—отвлеченность изложенія заставляетъ читателя ощутить себя въ своего рода безвоздушномъ пространствѣ. Языкъ и въ драмѣ, какъ во всѣхъ предыдущихъ твореніяхъ Сологуба, плѣняетъ своей особенной, холодной четкостью и желанной простотой ухищреннаго мастера.

Статья Корнѣя Чуковского о футуризмѣ много потеряла въ напечатанномъ видѣ—исчезли ея бойкость, разнообразіе лекторскихъ приемовъ и взаимнѣ этого еще яснѣе, чѣмъ прежде сталъ налетъ литературной дешевки и погони за моментальнымъ успѣхомъ. Фельетонъ—остроумный, неглубокій и непремѣнно отвѣчающій послѣдней злобѣ дня—вотъ истинное царство Чуковского. Критическіе выводы его обыкновенно болѣе хлестки чѣмъ интересны; его пророчество относительно грядущей поэзіи Демократіи и Науки притянуто за волосы и производитъ какое-то комическое впечатлѣніе. Интереснѣе слѣдующая за статьей «хрестоматія», содержащая въ себѣ образчики футуристическихъ произведеній. Можно только привѣтствовать стремленіе Чуковского отграничить безпардонныхъ «москвичей» отъ Игоря-Сѣверянина и другихъ поэтовъ петербургской группы. Давно пора отдѣлать чудачество отъ исканій и наглый пустозвонъ отъ радостнаго самоутвержденія художника, влюбленнаго въ красоту міра и свой пѣвучій даръ.

Келейникъ.

«Падунъ Немолчный». Димитрій Крючковъ. 1913 г. Ц. 50 коп.

Поэтъ, пишущій стихи „въ крови своихъ несчетныхъ ранъ“ и въ то же время «влюбленный

въ пѣвчую свирѣль» идетъ Крючковъ одиноко своимъ путемъ увѣровавшій въ Бога и несущій намъ эту радостную вѣру, воплощенную въ прекрасныя свирѣльные формы. Творчество Крючкова окутано тонкой дымкой «торжественной святости». Въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній мы читаемъ:

У Христа, полевого Христа
Руки тонкія словно лучинки
И бѣгутъ торопливо тропинки
Въ дальній лѣсъ отъ подножья креста.

И къ этимъ тропинкамъ, — тропинкамъ, у которыхъ ютятся «церковушки да ветхія хаты» стремится душа поэта, чуждая всему городскому.

Пламенная мистика, — вотъ источникъ творческаго вдохновенія поэта и потому такъ неудачливы стихотворенія его, въ которыхъ Крючковъ модничаетъ и подражаетъ: «небо точно виноградины», «вы задремали свѣтло—розово» и т. д. Чувствуешь, что это не его, не близкое ему, чуждое... Стихи Крючкова не всегда выдержанные, почти всегда экспрессивны. И когда пламенѣетъ онъ огнемъ негасимымъ, вѣришь „узорнымъ небылицамъ“ его преображеній, вѣришь въ проникновенность его настроеній:

Надѣла любовь мнѣ кровавую схиму,
Огнемъ оградила порогъ.
Когда же я, сирый, къ блаженному Риму
Дойду паутиной дорогъ?

О. Вороновская.

Вадимъ Баянъ. Лирический потокъ. Лирio-нетты и баркароллы. Предисловія І. І. Ясинскаго-Бѣлинскаго и Игоря-Сѣверянина. Спб. 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Цѣна 80 к.

Вадимъ Баянъ—прямой послѣдователь Игоря-Сѣверянина. Его плѣнила пѣвучесть очаровательнаго поэта и за нимъ онъ устремился въ сказочную область фантазіи, въ волшебный міръ эротики. Навѣки околдованъ онъ этой пряной чарой—быть можетъ навсегда величайшимъ искушеніемъ для поэта останутся безумства безсонныхъ ночей и хмель безудержныхъ ласкъ. И даже вспоминая Смерть въ своемъ стихотвореніи «Memento mori» онъ говоритъ:

Мой милый другъ, memento mori!
Сомкни волшебное звено,
Пока въ брильянтовой амфорѣ
Бунтуетъ пѣнное вино!

Стихи Вадима Баяна—упоеніе радостью обладанія; душа его не въ мечтательной выси платонической любви, а въ душномъ зовѣ раз-

дражающихъ, дразнящихъ альковныхъ сумерокъ. Въ началѣ находимъ стихи Федора Сологуба, Анастасіи Чеботаревской и Бориса Бегомолова.

Издана книга весьма изящно.

Читатель.

Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва.

Маринетти. Манифесты итальянскаго футуризма. Перев. Вадима Шершеневича. Ф. 1914 г.

Николай Асѣвъ. Ночная Флейта. М. 1914. Книгиздательство „Лирика“. Ц. 50 к.

І. В. Гете. Тайны. Переводъ А. Сидорова. Предисловіе Г. Рачинскаго. К-во „Лирика“. М. 1914. Ц. 50 к.

Р. М. Рильке. Книга Часовъ. Перев. Ю. Анисимова. К-во „Лирика“. М. 1914. Ц. 50 к.

„Сиринъ“. Сборники 1-ый и 2-ой. Цѣна по 1 р. 50 к. Спб. 1913 г.

„Чемпіонатъ поэтовъ“ Ц. 30 к.

„Всѣдуръ“. „Рукавица современью“. Ц. 30 к.

Борисъ Пастернакъ. Близнецъ въ тучахъ. Предисловіе Н. Асѣва. К-во „Лирика“. Ц. 50 к.

С. Бобровъ. Вертоградари надъ лозами. К-во „Лирика“. Франтисписъ и обложка Н. Гончаровой. Ц. 1 р. 50 к.

Лирика. 1-ый альманахъ. Ц. 1 руб.

Ю. Анисимовъ. Обитель. И-во „Альціона“. Ц. 1 р.

И. Эренбургъ. Дѣтское. Парижъ.

А. Шемшуринъ. Футуризмъ въ стихахъ. Валерія Брюсова.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ № 2 „Очарованнаго Странника“ въ стихотвореніе Ф. Сологуба вкралась досадная ошибка. Перепутаны строфы: вмѣсто первой строфы должна быть поставлена вторая и стихотвореніе должно начинаться словами: „Я возвращаюсь къ человѣку...“

Исправить ошибки редакція не имѣла возможности, такъ какъ обнаружила ее послѣ того, какъ номеръ былъ сверстанъ.

И-во „ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ“.

Альманахи интуитивной критики и поэзи.

Содержаніе выпуска перваго (ноябрь).

В. Ховинъ. Фанатикъ въ пурпуровой мантии.—**Д. Крючковъ.** Демимонденка и Лѣсо (И. Сѣверянинъ).—**Келейникъ.** «Бѣсы» Достоевскаго и «бѣсы» Горькаго.—**П. О.** «Frapper les bourgeois». **Вѣхинъ.** «Всероссійскій Литераторъ».

Содержаніе выпуска втораго (декабрь).

СТИХИ: Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Дмитрія Крючкова и В. Солнцевой.
СТАТЬИ: Викторъ Ховинъ. Силуэты русскаго декаданса. I. Печальный пилигримъ предтеча.—**Д. Крючковъ.** Церковь въ Листвѣ (Ф. Жаммъ).—**А. Чеботаревская** по поводу нѣкоторыхъ юбилеевъ.—**М. Бабенчиковъ.** Волшебство внезапное.—**Газтанъ.** редное недоразумѣніе. **БИБЛИОГРАФІЯ.**

Цѣна выпуска 35 копѣекъ.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ и-вѣ.

Адресъ издательства: Невскій пр., д. 160, кв. 2. Тел. 45—90 **В. Р. ХОВИНЪ.**

ДИМИТРІЙ КРЮЧКОВЪ.
„ПАДУНЪ НЕМОЛЧНЫЙ“
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
Цѣна 50 коп.
Находится въ печати:
„ЦВѢТЫ ЛЕДЯНЫЕ“
ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ.
Адр. автора: 3-я Рождественская д. 6 кв. 5, СПБ. Тел. 208—91.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИРИКА“.

Представитель **С. П. Бобровъ**—Москва, Гагаринскій, 9, 7. Тел. 3—об

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- № 4. Николай Асѣевъ. Ночная флейта. М. 1914. Цѣна 50 коп.
№ 6. Борисъ Пастернакъ. Близнецъ въ Тучахъ. М. 1914. Цѣна 50 коп.
№ 7. I. В. Гете. Тайны. Пер. А. Сидорова, предисловіе Г. А. Рачинскаго. М. 1914.
Цѣна 50 коп.
(№ 5. печатается).

Полный каталогъ **ЛИРИКИ** напечатанъ въ послѣднемъ изданіи. Печатаются 2 и 3 Бюллетени **ЛИРИКИ**.—Бюллетени рассылаются всѣмъ желающимъ бесплатно.—(1-ый Бюллетень разошелся весь).